

Мне по жизни встречались разные люди, среди которых были и весьма примечательные. Одна из таких запоминающихся личностей — парикмахер Боря. Уже весьма пожилой, но необыкновенно активный и словоохотливый, он представлял собой старое поколение высококлассных цирюльников.

Несмотря на солидную разницу в возрасте, Боря просил меня, впрочем, и всех других своих клиентов, звать его именно так. Попытки уважительно обращаться к нему по имени и отчеству он четко пресекал:

— Отчество у меня такое, что всем трудно его произнести. А что плохого — Боря, и все? Просто и удобно, — заметно грассируя, убеждал он. — Не в отчестве есть уважение.

В те далекие годы моей юности не только я, но и многие другие холостяки старались быть привлекательными. Шевелюры тогда у нас еще были буйные, а чтобы они выглядели впечатляюще, требовалось регулярное посещение хорошего парикмахера. Боря же, пожалуй, был одним из лучших старых мастеров-кудесников.

Попасть на прием к нему — дело непростое. Требовалось заранее записаться в очередь страждущих, а затем еще за день уточнить по телефону точное время посещения мастера. Да и потом могли возникнуть непредусмотренные трудности.

Среди постоянных клиентов мастера были разные люди, в том числе и известные всей стране. Боря особенно гордился тем, что к нему регулярно приходит один из наших первых космонавтов. Вот его-то он всегда звал по имени-отчеству, а, рассказывая другим о своем любимом клиенте, называл великим космонавтом.

Выполняя свою работу, Боря постоянно что-нибудь рассказывал сидящему в кресле очередному клиенту. Говорил он и о политике (весьма осторожно), и о погоде, и о своей жизни, и о некоторых известных людях. С особой теплотой и уважением рассказывал мастер о посещении его парикмахерской великим космонавтом:

— Он, — непременно называя его по имени и отчеству, прямо-таки восхищался Боря, — такой интеллигентный, такой воспитанный. Есть же



и среди великих совсем приятные и такие уважаемые люди.

Как-то в очередной раз, рассказывая мне о своем любимом клиенте, Боря вдруг перешел на шепот и, как бы раскрывая страшную тайну, сообщил:

— А вы представляете, какая у него есть жена? Совсем никак не подходит для такого культурного человека. Такая невоспитанная...

От Бори я узнал, что жена космонавта учится не то в техникуме, не то на каких-то курсах. И учится плохо, о чем неоднократно сообщал парикмахеру ее всеми уважаемый муж.

Когда космонавт очередной раз наведывался в парикмахерскую, рядом с рабочим креслом Бори обычно восседала эта нерадивая ученица. Иногда молча, но чаще переговаривалась с мужем. Ее лексикон, по мнению Бори, указывал на явную невоспитанность. Да и вычурность ее одежды тоже не вызывала у старого мастера хорошего отношения.

Однажды и я встретился с космонавтом и его женой. В тот момент, когда я входил в комнату, где трудился Боря, его любимый клиент как раз

поднимался из кресла. Замечу, что других кресел не было — Боря всегда работал в одиночестве.

Я вошел и поздоровался. Не только Боря, но и космонавт в ответ поприветствовали меня. Космонавт даже пожал мне руку, что для меня было очень приятно. А вот ответила ли на мое приветствие его жена или нет, не помню.

Внешность покорителя космоса не могла произвести на меня особого впечатления — его и так почти постоянно показывали по телевидению. А вот образ его спутницы подтвердил Борино мнение. В общем, красивая женщина выглядела вызывающе. Одета она была дорого, но безвкусно. Да и выражение ее лица никак нельзя было назвать доброжелательным.

Каждый раз в своих неугомонных разговорах, на какие бы темы они ни велись, Боря постоянно возвращался к восхвалению своего любимого клиента. Это стало своеобразным ритуалом.

Но вот однажды произошло памятное событие, которое показалось мне забавным. Необычность обозначилась с самого начала: космонавт пришел к Боре без предупреждения и без очереди. Это было так непохоже на него. Ожидающие своего

времени мужчины пропустили известного и заслуженного человека без заметного ропота.

Выглядел тогда космонавт крайне взволнованным. На вопрос Бори о причине его тревоги он с вздохом ответил:

— Дура моя сдает экзамен. Наверняка завалится.

Услужливый парикмахер стал успокаивать любимого клиента, убеждая его, что преподаватель не сможет поставить двойку жене такого уважаемого человека. Но космонавт даже не дал ему договорить:

— Вот этого я еще больше боюсь! Какой позор...

Мастер побрил клиента и начал колдовать над его шевелюрой. И тут в дверях появилась, как сказал Боря, дергающаяся дамочка. Она села на стул и сразу стала ругать преподавателя, поставившего ей двойку:

— Старый козел! Я же ему все ответила. Все, все, — уверяла она мужа. — А ему все не так, все неправильно...

Она продолжала и продолжала ругать преподавателя, используя нецензурные выражения.

— «Что такое?» — подумал я, но смолчал, не вмешиваясь, — рассказывал мне Боря. — Но потом не смог сдержать свой справедливый гнев и говорю: «Так разве можно? Он же ваш учитель!» А она вскочила со стула и, представляете, закричала на меня: «Ты кто такой? И ты будешь меня учить?»

Мне стало совсем грустно, и я замолчал. Но ее муж (Боря с предельно уважительной интонацией назвал его по имени и отчеству), такой справедливый, такой вежливый, такой интеллигентный человек, заступился за бедного Борю:

— Заткнись, сука! — попросил он жену. — Я тебе покажу...

До самого конца моего визита старый мастер не мог успокоиться. И потом при каждой новой нашей встрече он все продолжал восхвалять своего любимого клиента и осуждать его жену.

Уже давно нет ни парикмахера Бори, ни того космонавта. И только память моя сохранила этот забавный эпизод из их жизни.

СИЛА ЕСТЬ — УМА НЕ НАДО

Народная мудрость в пословицах и поговорках в наше непредсказуемое время иногда раскрывается в совершенно неожиданном свете. Разнообразие людских поступков подчас трактует ее весьма оригинально.

Заместителем главного конструктора и одновременно начальником одного из основных отделов нашего «почтового ящика» был Кирилл Павлович Бай-Балаев. Такая необычная фамилия досталась ему от предка-революционера, сосланного царским режимом в Среднюю Азию. Там местное население и дало прозвище русскому поселенцу, которое в дальнейшем трансформировалось в фамилию. Но далеко не только это выделяло Кирилла Павловича из густой инженерной среды. Прежде всего — мощный ум и незаурядная эрудиция технического специалиста. К нему на консультацию порой выстраивалась целая очередь из представителей разных подразделений нашего «ящика». Кроме того, не был обделен он и организаторскими способностями, да и с людьми умел

ладить: уважали его и подчиненные, и высшее начальство. Это с одной стороны. А с другой — у Кирилла Павловича был необычный внешний вид с бросающейся в глаза физической немощью. Узкоплечий, с впалой грудью, он имел рост выше среднего, но вес тела был несоизмеримо мал. Даже упоминать о его килограммах не буду — не поверите. Далее: небольшая голова на тощем теле покрыта рыжими волосами, но не яркими, а скорее тусклыми. Вероятно, для хоть какого-то увеличения и оживления внешнего облика носил Кирилл Павлович усы и небольшую бородку. Замечу также, что и со здоровьем были у него небольшие проблемы.

В то время на небольшом испытательном полигоне, расположенном в среднерусской полосе, велись работы по отладке радиолокационной станции нового образца. Вероятно, в связи с малой территорией, занимаемой этим испытательным объектом, даже в официальных документах назывался он базой с каким-то (не помню) порядковым номером.

Как всегда, проблем с новой технической разработкой хватало. Работы на базе велись круглосуточно. Но вот пришло к нам известие, что на помощь едет сам Кирилл Павлович с двумя ведущими специалистами по основным трактам станции. Мы, естественно, стали готовиться к встрече.

Прежде всего, систематизировали вопросы и предложения по работе самой радиолокационной станции. Затем провели уборку нашего домика-лаборатории и прилегающей к нему территории базы. И, конечно, все приготовили для застолья по поводу приезда начальства.

Ждали мы делегацию во главе с Кириллом Павловичем еще до обеда, но прибыла она лишь к концу рабочего дня. Тогда и решили, что будет разумней начать работу на самом объекте со следующего утра, а пока просто доложим о полученных результатах и наметим дальнейшие действия. Поскольку сроки ввода станции в эксплуатацию, как всегда, поджимали, а проблем по выходу на заданные параметры оставалось немало, то начальство колебалось в принятии решения. Наши доводы были окончательно услышаны лишь тогда, когда прибывшие увидели празднично накрытый стол.

После первых традиционных тостов воцарилась дружеская раскрепощенная атмосфера. С каждой очередной порцией выпитой водки настроение у всех присутствующих продолжало улучшаться. Однако разговоры велись только о работе, даже когда хмель начал затуманивать мозги.

Впрочем, водка действовала на всех по-разному. Так, у ведущего инженера Сергея Ивановича Смирнова, по его собственному признанию, она вызывала «просветление в мозгах». Во время того застолья он даже высказал одну очень интересную идею, которая в дальнейшем получила должное применение.

Нельзя сказать, что обсуждение наших проблем было шумным. Нет. Скорее, просто повышенно эмоциональным. Все прекрасно понимали, что с завтрашнего дня начнется работа на износ. Может быть, даже с бессонными ночами. Наверное, поэтому вскоре Сергей Иванович произнес последний тост:

— Давайте, мужики, выпьем за то, чтобы все сладилось. За успешную работу!

После окончания застольного торжества все вышли на улицу вполне нормально. Только один Кирилл Павлович, наверное, по причине своего слабого здоровья выглядел заметно охмелевшим.

Поблизости от испытательной базы располагалось небольшое сельцо, в которое плавно переходил военный поселок с несколькими жилыми

домами, гостиницей для командированных, продовольственным магазином и другими бытовыми постройками. Через поселок и село шла асфальтированная дорога, соединяющая их с районным центром, расположенным на расстоянии в несколько десятков километров. Транспорт по этой дороге ходил нечасто, так что была она более или менее удобна для пеших прогулок.

Не спеша, под аккомпанемент непрекращающихся разговоров о рабочих проблемах наша группа двигалась в сторону села. В селе мы обратили внимание на толпившихся возле сельского клуба людей. Оказывается, вот-вот должен был начаться показ любимого в народе кинофильма о Великой Отечественной войне, и желающих посмотреть его было очень много. После непродолжительного обмена мнениями мы тоже решили попытаться попасть на киносеанс.

В те годы руководители разных уровней с особым уважением относились к работникам военных ведомств. Вероятно, именно поэтому Сергею Ивановичу удалось уговорить заведующую клубом дать и нам возможность посмотреть кинокартину. В результате из каких-то потаенных мест принесли в зрительный зал и поставили позади последнего ряда кресел длинную деревянную скамейку. Мы, не мешкая, максимально плотно уселись на нее.

Погас свет. Царивший до этого гул в зрительном зале моментально стих. На экране появились первые титры. Однако нашелся среди зрителей хулиган — молодой здоровый парень, который вскакивал со своего места, махал руками, крутил головой и громко матерился. Его место находилось в последнем ряду кресел, как раз перед нашей скамейкой. Возгласы зрителей, требующих от буяна тишины, не производили на него никакого воздействия. Он продолжал хулиганить. Так продолжалось несколько минут.

И тут произошла памятная мне и всем моим коллегам сцена. Сидевший сзади этого парня Кирилл Павлович резко и неожиданно схватил его своими костлявыми пальцами за уши и, повернув голову нечестивца лицом к экрану, начальственно крикнул:

— Молчать! Иначе уши оторву.

Парень сразу замолчал и как-то обмяк всем телом, а все мы явственно услышали его негодующий шепот:

— Сила есть — ума не надо.

Это он про нашего Кирилла Павловича... Еще какое-то время продолжались вздрагивания укрощенного хулигана, но вскоре и они прекратились. До конца сеанса сидел он тихо и почти неподвижно.

Мы опасались, что неожиданный поступок нашего начальника не пройдет нам даром, что, весьма вероятно, после окончания сеанса придется выяснять отношения с деревенской вольницей. Но вскоре всех присутствующих в зале, включая нашу группу командированных, полностью захватила кинокартина, повествующая о суровых воинских буднях и трогательной фронтовой любви. Трагический финал фильма болью отозвался в сердцах зрителей, да так, что многие женщины заплакали. Грустью полоснул он и по душам мужчин.

Закончился киносеанс. Зажегся тусклый свет, и, встав со своих мест, народ с легким ропотом пошел к выходу. Памятуя о случившемся в самом начале, мы не стали спешить. Все понимали, какая перспектива, возможно, ожидала нас — драка с молодыми деревенскими мужиками. Через пару

минут, плотно окружив Кириллу Павловича со всех сторон, мы тоже двинулись к выходу.

На счастье, наши опасения оказались напрасными. Да, рядом со зданием клуба стоял тот парень, причем не один, а с двумя приятелями, но поза его была спокойной, совсем не агрессивной. Они о чем-то тихо говорили, глядя в нашу сторону. Но мы не стали прислушиваться и быстро ушли и минут через пятнадцать уже были у себя в гостиной.

С того памятного вечера ореол богатыря земли русской плотно пристал к Кириллу Павловичу. Сколько я помню, почти постоянно появление его хилой фигуры вызывало улыбки, а порой и желание озвучить народную мудрость «Сила есть — ума не надо».

ТРУДОГОЛИК

Разными бывают они — трудоголики. Одних, можно сказать, классических, увлекает, засасывает именно сам процесс. Они просто не могут жить без работы. Других, более прагматичных, помимо самой работы, а может, и в большей степени, интересует ее конечный результат: зарплата. Но бывают и такие, для которых важнейшим критерием труда является следующая за ним слава. Андрей Старжинский принадлежал именно к этой, третьей категории трудоголиков.

В его студенческие годы даже предположить такое вряд ли кто мог. Красавец парень — и умный, и общительный, и обаятельный — скорее походил не на трудоголика, а на любимца многих девчонок. Среди них была и Кира Светлова — симпатичная комсомольская активистка. Учеба в институте перемежалась дружескими вечеринками, туристическими походами, студенческими балами... Чудесное было время.

После окончания института несколько выпускников, включая Андрея и Киру, попали по распределению в наш «почтовый ящик». Замечу, что почти перед самой защитой дипломов они поженились. И в дальнейшем получилось так, что молодоженам пришлось работать бок о бок, в одной лаборатории.

Результат такого научно-семейного сотрудничества оказался весьма положительным. Молодые физики быстро, без ознакомительных задер-

жек взяли старт по разработке одного важного в те годы научного направления. На удивление многих, вскоре появились впечатляющие результаты, а за ними и первые публикации в научных журналах.

Сначала под научными статьями были две фамилии Старжинских. Но вскоре все чаще и чаще официальным автором стал оказываться только один Андрей. Чем он обосновывал свой отказ в соавторстве Кире, я не знаю. Но факт остается фактом: результаты совместных работ Андрей приписывал только себе. Да и с другими коллегами, работающими с ним в тесной связке, он поступал аналогично.

Кому такое может понравиться? Кроме того, рассказывали, что у Старжинских возникали и семейные проблемы. В конечном счете у бывших сокурсников произошел полный разрыв. Кира не только развелась с Андреем, но и вернула себе девичью фамилию. По ее просьбе директор перевел инженера Светлову в другой отдел нашей организации. Кира без сожаления «сожгла все мосты». Спустя почти два года она вторично вышла замуж за своего коллегу и прожила с ним всю оставшуюся жизнь.

И Андрей не остался в долгу и уже через месяц после развода с Кирой вновь оформил супружеские отношения. Его второй женой стала простая девчонка, работавшая продавщицей в универса-



ге. Она не вмешивалась в работу мужа, да и не могла этого сделать даже при всем желании. Положение любовницы и домработницы при весьма видном во всех отношениях мужчине ее вполне устраивало. Трудоголику, в которого все больше превращался Андрей, тоже только такие семейные отношения и были нужны.

Трудоголик порой до полночи засиживался в своей лаборатории и даже придя домой не расслаблялся ни на минуту. Работа, работа и только работа занимала его. И как следствие — все более значительные исследовательские успехи. Это факты. Но фактом являлось и то, что никакого соавторства в своих публикациях Андрей не допускал, хотя ряд впечатляющих научных результатов был получен вообще не им, а его подчиненными. И уж совсем непонятным представляется его стремление попросту примазаться к чужим рабо-

там, не имеющим никакого отношения к его изысканиям. Даже к незначительным, второстепенным публикациям. Вот такая почти патологическая тяга к известности, к славе.

Я неоднократно замечал, как после рабочего совещания у директора Старжинский, не желая терять ни минуты, бежал по лестнице в свою лабораторию. На вопросы удивленных коллег он, как правило, отвечал:

— Времени осталось мало. Цыганка нагадала мне раннюю смерть.

Одна из близких сотрудниц Андрея Старжинского как-то рассказала мне, что в самый канун защиты диплома в институте Андрей повстречал на улице цыганку, которая попросила его «позолотить ей ручку» и за это погадала. Находясь в волнительном состоянии от предстоящей защиты, он согласился:

— Мне завтра защищать диплом. Как все пройдет?

Цыганка не заставила себя долго ждать и вскоре проникновенно поведала:

— Все будет у тебя хорошо, касатик. И завтра, и потом. Но жить тебе дано недолго. Умрешь ты молодым...

Может, действительно предсказание цыганки так подействовало на Андрея, превратив его со временем в трудоголика? Кто знает? Но почему он так беззащитно и крайне несправедливо отнесся к своим истинным соавторам? Ведь иной раз Старжинский просто воровал полученные ими результаты исследований!

В те годы мне понадобилось однажды обратиться за консультацией в Институт имени Курчатова. Доброжелательный коллега, к которому меня направили, после общих традиционных вопросов заглянул, наконец, в мое командировочное удостоверение. Прочитав, сотрудником какого «почтового ящика» я являюсь, он моментально поменялся в лице.

— Вы что, работаете вместе со Старжинским? — спросил он.

— Нет. Я работаю в другом отделе, и по работе мы никак не связаны. А вы что, знакомы с ним?

— Знаком. Да еще как знаком. — И мой собеседник рассказал весьма неприглядную историю о былом сотрудничестве со Старжинским.

Они проводили совместную работу по одной очень интересной теме, не подпадающей под грифы секретности. Результат оказался почти ошеломляющим. И мой нынешний консультант стал систематизировать результаты исследований для совместной с Андреем статьи. Но еще до окончания этой работы вдруг обнаружил в солидном академическом журнале публикацию полученных ими результатов. Автором там значился только один Старжинский.

Нечистоплотность трудоголика проявлялась и в других случаях. Неожиданно для многих завелись у него странноватые многоуровневые связи в министерстве, которые он использовал по максимуму. В те годы выезд за границу был проблематичен для большинства населения, а уж для работников «почтовых ящиков» попросту нереален. Однако для Старжинского особых ограничений не было. Он стал направляться министерством в разнообразные зарубежные поездки: и в ведущие лаборатории мира, и на выставки, и на конференции. У нас на предприятии говорили об этом разное.

Время шло, и вот в апреле были объявлены имена новых лауреатов Ленинских премий. Од-

ним из лауреатов этой престижной премии стал и Андрей Старжинский. В списке награжденных, который он возглавил, значились еще три фамилии. Однако, по общему разумению, их носители не имели прямого отношения к тем работам, за которые была присуждена премия. Помнится, что среди лауреатов оказался чиновник министерства.

После этого знаменательного события Старжинского зачастил за рубеж. Ходили слухи, что он привозит из-за рубежа важные сведения, добытые способом, не соответствующим международным нормам.

В один из обычных рабочих дней, в самом его начале, к моему письменному столу тихо подошла сотрудница нашей лаборатории Люся Рошинская и, наклонившись, прошептала:

— Мы с мужем вчера вечером слушали радио, и по Би-Би-Си сообщили, что от взрыва в лаборатории погиб русский специалист Старжинский. — Она сделала паузу и, волнуясь, продолжила: — Только фамилию его как-то странно произнесли. Может, это и не он?

Нет, это был именно он! В тот же день на наше предприятие поступило официальное сообщение. Оно подтверждало гибель Андрея от случайного взрыва (кажется, силана) в лаборатории одной из английских фирм.

Через несколько дней все сотрудники нашего «ящика» поднялись в актовЫй зал для прощания с привезенным из Англии прахом Андрея Старжинского. Рядом с урной был выставлен почетный караул. После молчаливых процессий состоялся траурный митинг. Говорили о трудоголике только самые хорошие слова.

Но после прощального ритуала народная молва о заслугах и о самой смерти Андрея порой просто поражала своим разнообразием. Мне запомнился монолог одного научного сотрудника в курилке на нашем этаже:

— Где доказательства его гибели? Урна? — Он задавал вопросы, на которые сам и пытался ответить. — Так кто знает, что в ней? Может, это и не прах Старжинского. Может, все это просто имитация, чистый обман, с помощью которого он скрытно сбежал на Запад. На него такое похоже... Если выяснится, что это так, то я не удивлюсь.

Нет, это сущая ерунда. Конечно, Андрей погиб. И все же противоположные мнения мне приходилось слышать еще не раз.

Прах Андрея Старжинского ныне покоится на Новодевичьем кладбище. Как и многие трудоголики, умер он молодым. Да, цыганка была права...

В тот раз научно-техническая конференция была в столице одной из союзных прибалтийских республик — родном городе Эдуарда Вильгельмовича. Он — мой коллега и давний друг, так что наши встречи были не только весьма полезны, но и радостны.

Познакомились мы с Эдиком лет десять тому назад тоже на конференции, в Таганроге. Тематики наших научных работ оказались близкими, что и вызвало тогда длительное обсуждение их результатов. Затем началась переписка, интенсивность которой с годами только возрастала. Раза два-три в году мы встречались либо на очередной конференции, либо у меня дома в Москве. Бывал и я в гостях у Эдика. Он уже давно жил в Минске, переехав туда еще в молодости после окончания института.

За время нашего знакомства мы совместно сделали несколько научных работ и опубликовали их результаты. Постепенно наши отношения становились все более и более доверительными. Я узнал, что на малой родине у Эдика возникла какая-то непростая ситуация, понудившая его уехать в Белоруссию. Он обосновался основательно и женился на славянке. И домашний уют, и работа преподавателем в институте, да и жизнь вообще его ныне вполне устраивали.

С малой родиной Эдик поддерживал устойчивую связь, хотя бы раз в году наезжая к своей сестре Эльзе, обычно на день ее рождения. И вот случился внеплановый приезд на родину на научно-техническую конференцию.

Предварительно созвонившись по междугородному телефону, мы с Эдиком встретились в фойе гостиницы накануне открытия научного форума. Без особого труда удалось уговорить сотрудницу оргкомитета поселить нас вместе в одном номере.

Вечерами после окончания очередных секционных заседаний Эдик встречался со своими родственниками и давнишними знакомыми. Приглашал он и меня составить ему компанию. Я всегда отказывался — мне очень хотелось в одиночестве побродить по старинным улочкам европейского средневекового города, да и было неудобно связывать его своим присутствием. Но когда Эдик собрался в очередной к своей сестре, то я не смог устоять под его напором:

— Нехорошо отказываться от приглашения женщины. Эльза уже укоряла меня, что я не познакомил ее с моим другом, — с интонациями обиженного человека убеждал Эдик. — Посидим

за столом как белые люди. Посмотришь изнутри, как здесь живут.

Мне и самому было интересно побывать в гостях, почувствовать здешний национальный колорит. И было решено идти в гости к Эльзе вместе.

Квартира Эльзы Вильгельмовны не оставила у меня ярких воспоминаний. До самого конца визита меня не оставляла скованность, хотя все было, на мой русский взгляд, весьма пристойно, даже слишком пристойно. Сохранилось в памяти подчеркнуто уважительное отношение — в моем присутствии все разговоры велись только на русском.

Из гостей мы возвращались поздно, но почти трезвые. Уже недалеко от нашей гостиницы Эдик кивнул в сторону целующейся парочки. Парень с девушкой, укрытые кроной дерева, были почти незаметны. Да и, по моим понятиям, было совсем ненужно обращать на это внимание.

— Ну как, впечатляет это тебя? — спросил Эдик.

— Что же тут особенного? Молодость... — Я не мог понять его интереса к юной паре.

С очень грустной интонацией Эдик что-то сказал на своем родном языке. Я попросил его перевести.

— Да так, — неопределенно ответил он. — Ерунда...

Конференция заканчивалась. Как обычно, на последнем общем заседании были подведены ее итоги. Затем состоялся прощальный банкет.

В аэропорт мы с Эдиком прибыли заранее, за пару часов до его вылета в Минск. Мой рейс был позже. Хотелось напоследок пообщаться не топорясь, в спокойной обстановке. Мы зашли в ресторан и заказали себе по рюмке коньяку и кофе.

У нас уже устоялась такая традиция: прощаясь, выпить по рюмке за дружбу. Выпили, помолчали.

— Ты помнишь ту девушку, что целовалась с парнем, когда мы возвращались от Эльзы? — неожиданно спросил Эдик.

— Так, в общих чертах. А что?

— А ведь это была моя дочь!

— Ты мне об этом раньше ничего не рассказывал, — удивился я.

— Не рассказывал... Но вот теперь послушай. — И он, погрузившись в воспоминания далекой юности, поведал мне свою историю:

— Учился я тогда на последнем курсе института. Помимо учебы увлекался разным. Ну и девчонками, конечно. Любвеобильным был я тогда.

И уж очень сильно понравилась мне одна из них. Звали ее Кайсой. Происходила она из семьи, а правильнее сказать, из клана воздушных акроба-

тов. Словом, была циркачкой. Может, именно ее выступления и покорили мое сердце. Вот и получилось, как в песне Окуджавы: «Ему кого-нибудь попроще, а он циркачку полюбил». О последствиях той любви я не думал, да и вообще возраст не располагал к особым размышлениям.

Мне кажется, что те годы моей жизни были самыми счастливыми. Даже сейчас порой приходит ко мне душевная радость давних встреч с Кайсой. Она все больше молчала, но я понимал ее на каком-то астральном уровне. Уверен, что такое бывает лишь раз в жизни, да и то не у каждого.

Но прелести той поры вмиг померкли, когда стало ясно, что Кайса беременна. Какая-то холодная струя прошла между нами: ни она, ни я не знали, что делать. Решение за нас приняли ее родственники-акробаты.

Прямо на улице ко мне подошли два крепыша лет сорока, а может, и старше. Разговор у нас проходил спокойно, но я сразу понял, что люди они весьма серьезные.

Они потребовали, чтобы я больше никогда не общался с Кайсой, чтобы, можно сказать, вычеркнул ее из своей жизни. Настойчиво посоветовали забыть все, что было между нами. На мои слова о беременности Кайсы они отреагировали на удивление спокойно — похоже, что уже все знали.

«Теперь это не ваша забота. Судьба Кайсы не должна вас беспокоить, да и алименты на ребенка тоже, — примерно так в переводе на русский говорили представители циркового клана, — продолжал Эдик. — Только одно условие: вы никогда и ни при каких обстоятельствах не должны возникать на ее жизненном пути. Вас просто не должно для нее существовать». И один из циркачей угрожающе добавил: «Вам лучше совсем уехать из города, а иначе вас просто может не быть вообще».

— Мне понадобилось несколько дней, — после минутной паузы опять заговорил Эдик, — чтобы принять окончательное решение. Я, конечно, понимал, что для всех будет лучше, если мы с Кайсой расстанемся навсегда. По-моему, просто невозможно представить себе нормальную семейную жизнь физика и воздушной акробатки. Это нонсенс. Ну а душевные муки любви со временем должны угаснуть.

Примерно так все и произошло. Я добился того, чтобы после окончания института меня распределили на работу в другой город. Им стал Минск.

Проходили годы, и я сумел заставить себя забыть свою циркачку. Даже когда бывал на малой родине в гостях у Эльзы, воспоминания юности не очень-то тревожили меня. Кстати, только сестра, а теперь вот и ты знаешь о моем романе с Кайсой.

В моем мире не было места для Кайсы. Со всем. Я сдержал слово, данное цирковому клану. Держу его и теперь. И уже без особого напряжения. Привык.

Да, я дал слово не проявлять интереса к Кайсе, но не к своей дочери Марте, которая родилась уже после моего переезда в Минск.

Честно говоря, узнал я о ее рождении спустя много лет, поскольку раньше просто не интересовался этим. Ведь вычеркнул все прошлое из своей жизни, как и обещал.

Эльза, похоже, знала это, но не решалась тревожить меня. А я, как уже говорил, больше не думал о том романе и его последствиях.

Но вот в последнее время что-то стало ныть у меня в груди — совесть, что ли, проснулась под старость? Но я продолжал верить, что все сделано правильно. Да и сейчас так считаю. Но полностью справиться с собой не могу.

Поделился я своими душевными переживаниями с сестрой. Она-то и рассказала мне, что Кайса родила девочку, биологическим отцом которой являюсь я. Но дочь об этом ничего не знает и считает своим отцом циркача, мужа своей матери. Эльза особо отметила, что Марта не стала воздушной акробаткой — похоже, гены у нее не те. Может, это и хорошо: сейчас она учится в местном университете.

Рассказ Эдика прервало объявление о начавшейся регистрации на рейс до Минска.

— Пора! Я тебе уже все рассказал, так что понимаешь, почему я тогда обратил пристальное внимание на целующуюся парочку...

— Ну а ты, Эдик, хоть иногда встречаешься с дочерью?

— Нет, конечно. Это было бы нарушением нашего контракта с цирковым кланом. Ты же знаешь, что я — человек слова. Только издали люблюсь Мартой, когда приезжаю сюда. Этого мне запретить никто не может. — Эдик грустно улыбнулся. — Давай прощаться...

— Я тебя провожу немножко.

Закончилась регистрация рейса. Пассажиры отправились на летное поле. Проводив Эдика, я вышел из здания аэропорта и устремил свой взгляд в серое балтийское небо.

Вскоре взлетел самолет и, унося моего друга и коллегу из его родового гнезда, быстро исчез из вида. А я все смотрел и смотрел ему вслед, размышляя о только что услышанном. И уже когда от самолета не осталась и следа, вдруг вспомнилась мне фраза, приписываемая знаменитому пирату Моргану: человек живет на свете лишь для того, чтобы было что вспомнить под старость.